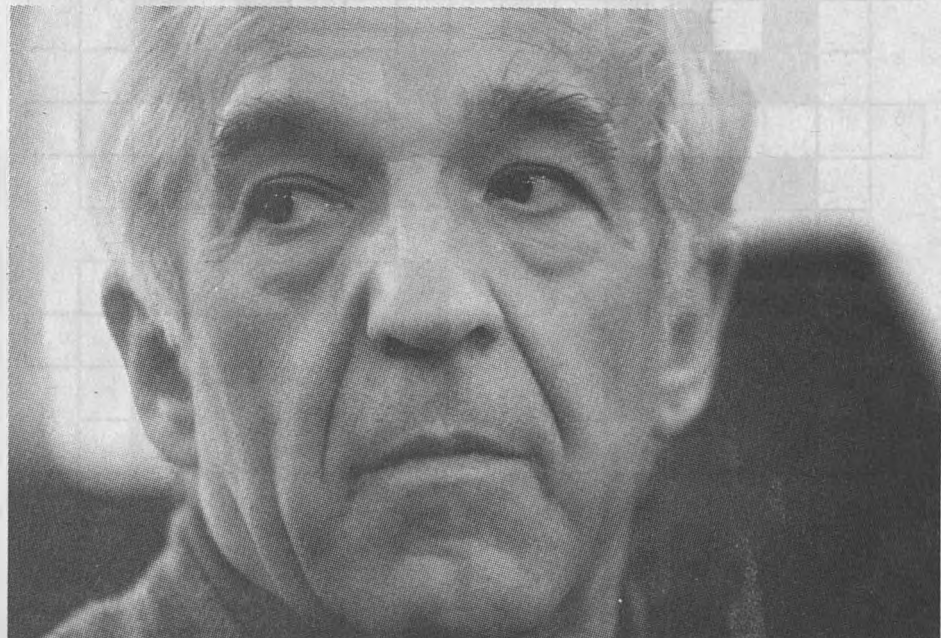

партер позвонил Сибелиусу

Сыгранную на бис «Баркаролу» Владимир Ашкенази объявлял сам. С едва заметным иностранным акцентом... Фотограф: Никита Рыбаков/Газета

ИЛЯ КУХАРЕНКО

С невероятной помпой, непомерно высокими ценами на билеты и неприличной давкой у входа и в Большом зале Консерватории состоялся концерт Владимира Ашкенази и London Philharmonia Orchestra.

Прославленный оркестр по собственной инициативе посвятил свой московский концерт памяти Евгения Светланова. В программе значились Чайковский, Моцарт и Сибелиус.

Первой прозвучала симфоническая баллада Чайковского «Воевода». Это было очень многообещающее начало. Здесь была и единая, хорошо читаемая драматургия, и захватывающая лиричность, и, конечно, та культура звучания, которой удивляют нас западные оркестры ранга Лондонского филармонического. Казалось, что концерт удался, — за этот звук можно было простить самые спорные или поверхностные трактовки. Но за «Воеводой» последовал Моцарт. Двадцатый фортепианный концерт. Маэстро играл и дирижировал одновременно — среди дирижирующих пианистов это своего рода тради-

ция. Уже первые аккорды заставили расслабившееся ухо прислушаться. Что с оркестром? Оставшись в камерном составе, музыканты London Philharmonia словно переменились. В их игре не было ни грации, ни тонкости, ни драматизма. Не было и сколько-нибудь интригующей альтернативы этим традиционным моцартовским атрибутам. Так же бесцветно и нехотя вступил рояль, вяло пробежая мимо всех сокровищ этой музыки. Не думал, что когда-нибудь напишу эти строки про Ашкенази, профессионализм которого казался стопроцентной защитой от подобных упреков. Только в финальном Рондо в игре маэстро появились и грация, и блеск, которые, собственно, и явились мощнейшими двигателями его головокружительной карьеры на Западе. Оркестр же продолжал так, будто на пюпитрах лежала не партитура Моцарта, а бухгалтерская книга.

Второе отделение на таких, как теперь выражаются, VIP-концертах всегда страдает «вечерним звоном». О телефонах напоминают лишь в начале, а в антракте их опять включают. И в голову не приходит, что во втором отделении эти тренькающие «музычки» будут мешать так же сильно, как и в первом. Перезвоны сопровождали всю Вторую симфонию Сибелиуса. За два дня до этого концерта ее играли Плетнев и РНО, и к чести плетневской публики — никто даже не пикнул. Впрочем, этим замечанием сравнения не ограничатся. Плетнев обошелся с Сибелиусом в известной степени резко, но было очевидно, что эта жесткость звучания и нервность кульминаций — часть продуманной, хотя и спорной концепции.

От Ашкенази ждали более традиционного исполнения — этакой ландшафтной архитектуры, оркестровых красок, неведомых большинству наших оркестров, романтического размаха. Это должно было впечатлить — запись, сделанная с тем же оркестром, лишь подтверждала предвкушения. Обещанному не суждено было сбыться. В своем прочтении заморский гость оказался ничуть не деликатнее Плетнева, однако никакого расчета за этим американизированным натиском не читалось. И опять возник вопрос, как этот почти мифический оркестр может разводить такую интонационную грязь у духовых, как могут так невнятно звучать быстрые пассажи у струнных.

И вновь где-то в середине финальной части на мгновение все встало на свои места — вдруг стало слышно, каким мог быть этот концерт, если бы все получилось.

На бис была сыграна «Баркарола», оркестрованная одним из скрипачей оркестра, — в незнакомо быстром темпе, с множеством сомнительной «лепнины», к которой так равнодушны счастливые обладатели без преувеличения драгоценных мест в партере.